

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

THE LINGUISTIC TURN
IN RUSSIAN PHILOSOPHY

O. Netrebskaya

Summary: Such cultural phenomenon as the linguistic turn in the philosophy of Russia is considered in the paper. An attempt is made to find out the common features of this phenomenon in the world and domestic philosophy, as well as its specifics in Russia. In this regard, the concepts of some Western thinkers involved in the philosophy of language and similar teachings of Russian philosophers are analyzed. As an example, the concepts of B. Russell, L. Wittgenstein, V. Solovyov, S.N. Bulgakov, P.A. Florensky, etc. are given.

Keywords: philosophy of language, positivism, scientism, hypostasis of concepts, culture, symbolism, naming, semiotics.

Нетребская Ольга Николаевнакандидат философских наук, доцент,
Московский авиационный институт

(национальный исследовательский университет)

netrebskayaon@mai.ru

Аннотация: В работе исследуются, каким образом культурное явление, известное как лингвистический поворот осуществлялось на русской почве. Предпринимается попытка выявить общие черты этого явления в мировой и отечественной философии, а также его специфические характеристики. В этой связи анализируются концепции ряда западных мыслителей, причастных к философии языка и аналогичных учений русских философов. В качестве примера приводятся теории Б. Рассела, Л. Витгенштейна, Вл. Соловьёва, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского и пр.

Ключевые слова: философия языка, позитивизм, сциентизм, гипостазирование понятий, культура, символизм, именование, семиотика.

Как известно, лингвистический поворот – это тенденция, представленная рядом ведущих философских школ и традиций, возникшая в философии приблизительно в 20-е годы прошлого столетия. Благодаря лингвистическому повороту философия языка превратилась в один из главных разделов философии.

Почва для возникновения лингвистического поворота во многом была подготовлена представителями логического позитивизма, а именно английскими учёными и философами Бертраном Расселом (1872-1970), Людвигом Витгенштейном (1889-1951), Джорджем Муром (1873-1958) и др. Витгенштейн обратил внимание на роль языка в различных областях жизни, в том числе в мышлении. По примеру И. Канта, решившего исследовать познавательные способности разума – основного инструмента познания, Витгенштейн пытался определить возможности языка – инструмента выражения мыслей, выразить знания о реальности.

Неопозитивизм, 3-й позитивизм или логический позитивизм появился в 20 веке. Отстаивая позиции сциентизма, неопозитивизм может считаться современной формой позитивизма, поскольку разделяет его идеологические принципы – прежде всего, он отрицает возможности философии в рассмотрении вопросов мироздания и её особую роль в культуре. Третья форма позитивизма – неопозитивизм продолжает его традицию и признаёт в качестве единственно возможного знания только специальное научное знание.

При этом неопозитивизм предложил особый подход к обоснованию фундаментальных концепций и принципов науки. Его основным методом стал анализ языка нау-

ки с использованием математической логики. Инициатором этого подхода стал Б. Рассел, обосновывавший этот метод в своей знаменитой книге «Principia Mathematica». Дальнейшее развитие его взгляды получили в не менее знаменитом «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна. При этом Рассел рассматривал теорию описаний как важное средство логического анализа, различая два типа отношения знаков к обозначаемому объекту – названия и описания. Рассел считал, что различие между именами и описаниями принципиально важно для прояснения логической структуры языка, который не совпадает с его грамматической структурой. Такое отклонение может быть источником многих ошибок, связанных с присвоением статуса имён, обозначающих реальные объекты, значению языковых выражений. Так, согласно Расселу, существуют обозначающие выражения, которые функционируют как названия объектов, но в действительности таких объектов не существует. Такие выражения имеют смысл в некоторых языковых контекстах, но не имеют значения. Например, «Баба Яга» имеет смысл в контексте сказочного фольклора, но ни один из объектов, данных в опыте, не соответствует ему.

Различие между значением и смыслом было предложено известным логиком Г. Фреге. Он изобразил это в виде известной схемы «семантического треугольника»: знак может обладать смыслом, который обнаруживается в его отношениях с другими знаками в лингвистических контекстах, при этом он не обязательно должен иметь значение, т.е. обозначать объект или класс объектов.

Цель логического анализа была определена как прояснение значений терминов и утверждений с использованием математической логики. Используя свой метод,

Рассел пришёл к выводу что метафизические утверждения являются бессмысленными. Эта бессмысленность возникает в результате попыток сказать что-то о самом мире. Но цель философии, уже по утверждению Витгенштейна, состоит не в том, чтобы что-то сказать о мире, а в том, чтобы заниматься логическим прояснением мыслей, логическим анализом языка. Витгенштейн в продолжение идеи Рассела, углубляет тезис позитивизма о том, что философия должна стать позитивной наукой.

На ранних этапах творчества Витгенштейн полагал, что структура языка отражает структуру реальности, язык выступает в качестве «проективного изображения» мира. Так в положении 3.11 своего «Логико-философского трактата» он пишет: «Мы употребляем чувственно воспринимаемые знаки (звуковые или письменные и т.д.) предложения как проекцию возможного положения вещей» [4].

Позднее его взгляды изменились, что нашло отражение в труде «Философские исследования», опубликованном в 1953 году. С точки зрения позднего Витгенштейна значения каждого слова не являются инвариантными обозначениями предметов, языковые выражения являются контекстно-зависимыми: их смысл, а, следовательно, и использование меняются в разных ситуациях. Это, по мнению мыслителя, давало основание рассматривать язык как социальную игру.

Витгенштейн своими идеями, изложенными в «Философских исследованиях» и «Логико-философском трактате» оказал существенное влияние на формирование основных программных положений неопозитивизма. Многие из его идей были приняты и развиты представителями «Венского кружка», основанного в 1922 году в Венском университете Морисом Шликом. В нём приняли участие известные философы, логики, математики, физики: Г. Ган, Ф. Франк, О. Нейрат, Р. Мизес, В. Крафт, Р. Карнап, Г. Фейгл, К. Гедель и др. Они обозначили своей целью реформацию всей науки с применением метода логического анализа её языка.

Итак, первоначально программа логического анализа языка, выдвинутая Расселом, предназначалась исключительно для науки и разрабатывалась применительно к языку математики и логики, но направления философии относительно далёкие и напрямую не связанные с философией науки также начали проявлять интерес к различным аспектам филологии. Центральные позиции в этом смысле занимают такие школы как герменевтика, философия жизни, неокантианство, экзистенциализм, франкфуртская школа и др. Крупнейшими представителями этих школ являются: М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, В. фон Гумбольдт, Ж. Делёз, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, А. Бадью, Ж.-Л. Нанси и др.

В рамках герменевтики предмет гуманитарных наук

трактуются как исследование и интерпретация текста. Ещё более значимую роль отводит тексту Ж. Деррида – разработчик фундаментального положения постмодернистской философии: «Мир как текст». Текст понимается философом как сложноорганизованное многозначное знаковое образование, возникающее «в развертывании и во взаимодействии разнородных семиотических пространств и структур». При этом вырабатывается неисчерпаемая смысловая множественность.

Центральным понятием герменевтики выступает «герменевтический круг» – понятие, введённое Ф. Шлейермахером (1768-1834). У Шлейермахера «герменевтический круг» - принцип понимания текста, основанный на диалектике части и целого: понимание целого складывается из понимания отдельных частей, а для понимания частей необходимо предварительное понимание целого. С этой точки зрения, понимание текста - движение по кругу от целого к части и от части - к целому. У Дильтея в качестве элементов «герменевтического круга» (части и целого) выступают текст и биография его автора. «Герменевтический круг» Хайдеггера означает движение от пред-понимания к пониманию. Ещё более заслуживающей внимания является радикальная онтологическая идея в рамках лингвистической философии, выдвинутая Хайдеггером. Она воплощается в следующих положениях: «Язык – дом бытия»; «Человек - есть человек, - поскольку он отдан в распоряжение языка и пользуется им (языком), для того чтобы говорить на нём» [12]. А это означает, что не мы говорим языком, а язык говорит нами и через нас. В такой трактовке язык перестаёт восприниматься как атрибут человеческого бытия, а сам приобретает характеристики субъекта.

Х.-Г. Гадамер, Э. Кассирер и П. Слотердайк отстаивают идею, что концептуальное понимание языка отходит на второй план и его место занимает символическая трактовка языка.

Итак, лингвистический поворот - понятие, отражающее процесс в развитии современной философии, в ходе которого на первый план выходят проблемы, тесно связанные с языком. Язык при этом приобретает статус центральной онтологической и гносеологической категории. Лингвистический поворот оказал существенное влияние на изучение общества, культуры, истории и, конечно, самого языка.

Лингвистический поворот – это не чисто западное явление. В русской философии приблизительно в начале 20 в. начали появляться отечественные философские школы и концепции языка. Они отталкивались от лингвистики, литературоведения истории и ряда других гуманитарных теорий. Можно вспомнить труды «русских формалистов» таких как Р.О. Якобсон, В.Б. Шкловский, Ю.Н. Тынянов, В.А. Пяст и др., историко-философские и

литературоведческие труды А.Ф. Лосева, труды по поэзии Андрея Белого, исследования структуры романа М.М. Бахтина, труды по фольклору В.Я. Проппа и др.

М.М. Бахтин ставил в центр языка проблему диалога, предмет которого неотделим от своей функции в событии. В.Я. Пропп вскрывал исторические корни языка фольклора. Для Ю.М. Лотмана язык в первую очередь представляет собой основную знаковую систему.

Если не основоположником философии языка в России, то, по меньшей мере, её провозвестником, предшественником, по праву может считаться создатель русской философии как самостоятельной области знания В.С. Соловьёв. У Соловьёва нет отдельной законченной теории языка, и, в общем, он не напрямую, только косвенно касался этой темы, тем не менее, его вклад в это учение очевиден.

Известно, что основополагающими категориями философии Соловьёва являются категории всеединства и всеединого цельного знания. С этими идеями он и обратился к критике западной философии, в частности позитивизма, выявив односторонность её начал. Эта критика была осуществлена на страницах магистерской диссертации Вл. С. Соловьёва под названием «Кризис западной философии (Против позитивистов)», защищенной 24 ноября 1874 в Петербургском университете. Она публиковалась в журнале «Православное обозрение». Первые же строки работы свидетельствуют о приверженности автора основным мотивам его творчества (всеединство, цельное знание): «В основу этой книги легло то убеждение, что философия в смысле отвлеченного, исключительно теоретического познания окончила свое развитие» [10].

В третьей главе книги Соловьёв указывает на основной недостаток западной философии, заключающийся в «постоянном обособлении и гипостазировании общих логических понятий». Суть этой процедуры здесь же им разъясняется. Она, согласно Соловьёву, заключается в анализе, разложении конкретного единства. При этом «образующие начала сущего» - т.е. категории выделяются, обособляются и сами становятся «сущими как такие, т.е. гипостазированы, им приписывается действительное бытие», которым они, будучи оторванными от целостности конкретного объекта, не обладают. При этом он вносит важное разъяснение: ситуация с гипостазированными понятиями возникает, если «исключительность рассудочного познания не снимается высшим родом мышления» [10]. Под «высшим родом мышления» философ полагает цельное знание. Именно с его помощью можно прийти к «живой идее – истинной форме действительно сущего». Вне этой живой идеи мы имеем лишь гипостазированные элементы реальности, которые отсутствуют в эмпирической действительности, такие как: материальная точка, теплопроводность, цвет и т.д.

Причастность этих взглядов русского философа к лингвистическим проблемам заключается в том, что эти гипостазированные понятия в виде терминов, слов и словосочетаний включены в язык и не только научный и философский, но и обыденный. То есть эти слова употребляются и воспринимаются так, как если бы они обозначали реально существующие т.е. эмпирические объекты. Иначе говоря, отдельные, мысленно отсечённые свойства реальных предметов приобретают в языке равный самим этим предметам статус – объективируются. Это не может не привести к определённым языковым трудностям.

Приблизительно об этом говорили и некоторые западные философы. Так, английские неопозитивисты Дж. Мур и Б. Рассел признавали независимость предмета познания от процесса познания. Они критиковали идеализм немецких классиков, расценивая его как следствие «непрояснённости» языка, на котором излагали свои мысли эти философы.

Придерживаясь единства философских позиций, Мур и Рассел, тем не менее, создали различные направления аналитической философии: первый развивал философию лингвистического анализа, тогда как последний - философию логического анализа. По мнению Мура, язык фиксирует вещи, о которых люди знают безусловно, хотя не всегда в состоянии их логически доказать.

Рассел признавал существование только единичных вещей, указав на то, что в философском языке присутствует огромное число слов и терминов, описывающих не единичные вещи. Подвергнув их логическому анализу, Рассел показывает, что язык вводит в заблуждение: называет некие абстрактные сущности и заставляет нас верить в их реальное существование.

В свою очередь Витгенштейн создал логико-философскую концепцию, исследующую глубинные связи философских проблем с языковыми структурами. С её помощью, полагал он, мышление справится с так называемыми ловушками, возникающими в языке и запутывающими мысль.

Таким образом, возникает парадоксальная ситуация: критикуя западных позитивистов, Соловьёв выказывает сходство во взглядах с рядом представителей позднего позитивизма.

С.Н. Булгаков и П.А. Флоренский - последователи Соловьёва продолжили развивать его основные философские темы: всеединства, цельного знания, Софии, богочеловечества. При этом они стали создателями собственных стройных и законченных филологических концепций.

С.Н. Булгаков, подробно рассмотрел проблему языка

в работе «Философия имени» (1920). Он отталкивался от категории смысла, анализируя его в тесной взаимосвязи со словом. Опираясь на античную идею Логоса, Булгаков рассматривал его сущность не только как «принцип самоорганизации бытия», но и как совокупность слов - смыслов, выражающих «многообразие и качественную определенность бытия» [6].

История создания «Философии имени» восходит к спорам об имени Божиим, которые велись в афонских монастырях. Эти споры, по сути, представляли собой продолжение знаменитого средневекового спора об универсалиях, истоком которого в свою очередь было античное учение об идеях. Так одна сторона – «имяславцы», в богословской формуле «в Имени Божиим присутствует сам Бог», утверждала наличие тождества имени и его носителя.

В их число и входил С.Н. Булгаков, а вместе с ним, близкий ему по духу и философским воззрениям П.А. Флоренский.

Их оппоненты настаивали на том, что имя есть просто обозначающее слово, «необходимый для нашего ума условный знак» [2].

Мировоззренческой платформой философствования Булгакова являлась платоническая софиология. В этом контексте не стало исключением и его лингвистическое учение. Первым делом Булгаков определяет онтологическую сущность слова, выявляя его звуковое выражение - «тело» по выражению стоиков. Каждое слово, согласно Булгакову, имеет форму, принадлежащую природному, материальному миру – это его звуковое «тело» или «реально осуществляемое, т.е. произносимое, или только предносящееся в идеальном образе».

В качестве простейших образований, составляющих «тело» слова, то есть его формы, Булгаков определил буквы и звуки. Буква для него - выражение силы природы, первоначальная ее краска, качество алогического. «Буква, - писал Булгаков, - есть та первоматерия, в которой и из которой образует себе тело слово».

Однако главное, что делает слово словом, по глубоко-му убеждению Булгакова это смысл: слово не существует без смысла. Смысл, вложенный в звук, сращенный с его формой, и есть слово, его тайна: «нет слов бессмысленных, слово есть смысл» [3]. Ещё одним важным моментом в концепции языка Булгакова была его уверенность в том, что человеческое познание совершается в слове и через слово. Вторя В. Гумбольдту, провозгласившему тезис о единстве речи и мышления, Булгаков настаивает: «мысль неотделима от слова».

Для Булгакова всякое слово означало идею, как пра-

вило, полную онтологического содержания. Смысл слова как его идея, писал он, в её непосредственности, безотносительности. Слово-смысл, в понимании Булгакова, содержит в себе идею, существующую до его логического употребления или психологического переживания. «Слова рождаются, а не изобретаются, они возникают ранее того или иного употребления» - писал он.

В итоге Булгаков приходит к заключению в духе платонизма, а также современного ему символизма: слова – это первоэлементы мысли и речи, выражающие простое и неразложимое качество бытия. Исходя, с одной стороны из положений Платона в трактовке Логоса, с другой из умонастроений символизма, Булгаков показал двойственную природу слова, а именно «нераздельность и неслиянность в нём смысла и формы, идеи и тела» [3].

Вместе с тем, в истории мировой философии существуют иные, вплоть до противоположных, взгляды по проблеме соотношения мышления и языка. Так, русский филолог и культуролог XIX века А.А. Потебня придерживался того мнения, что язык, «есть нечто самостоятельное по отношению к умственной деятельности». В этом его поддерживал один из ведущих деятелей русского символизма Андрей Белый, считавший, что «область языка не совпадает с областью мысли» как утверждал Гумбольдт [1].

Известный французский философ-постмодернист Ж. Делёз обосновывал идею, согласно которой, смысл не является абсолютным, а порождается событиями. Вместе с тем, как и Булгаков, Делёз придаёт особое значение выразительной функции языка, полагая, что, присутствуя в вещах, смысл выражается предложением. Внутри предложения Делёз выделяет различные отношения: денотацию (обозначение) или индикацию (указание); манифестацию; сигнификацию и, наконец, смысл. Смысл, по Делёзу, – это четвёртое отношение предложения.

Булгаков также отводил предложению особую роль. Оценивая суждение или простое предложение как осуществление именованья, Булгаков показал, что каждое имя существительное это скрытое экзистенциальное суждение, «когда к ноумену через указующий местоименный жест «это» и бытийственную связку «есть» прикрепляется символическое имя-слово» [9]. Согласно Булгакову, «звучание» слова, то есть именование метафизически означает «акт сотворения вещи» - её «самоявления из тёмной, дословесной глубины бытия на свет мыслимости, ясной определённости» [5].

В дальнейшем, опираясь на выявленную им же связь метафизики и языка, Булгаков увидел в элементарном предложении-суждении не только универсальную гносеологическую, а также и онтологическую структуру - «схему сущего». Но и на этом мыслитель не остановился

и, сделав акцент на триедином строении предложения-суждения (подлежащее, предикат, глагол-связка), выдвинул смелую гипотезу, что оно повторяет первообраз - Божественную Троицу. Мысль Булгакова, таким образом, двигалась от гносеологии к онтологии и метафизике и далее к богословию. А свою философскую задачу он решал, привлекая указанные направления, а также различные разделы лингвистики [8].

В осмыслении природы слова Булгаков обращается к символизму, считая, что «слова суть символы». Под символом Булгаков понимал сращение «идеального и реального (материального), феноменального, космического и элементарного». С рождением слова он связывал символизацию смысла.

Философские искания Булгакова в области языка продолжали традиции платонизма и развивали представления об онтологическом характере слова. Считая слова первоэлементами мысли и речи, Булгаков подчёркивал «присущую им силу реализовать смысл, пробуждать идею в человеческом сознании» [3], то есть, причастность слов сознанию человека, их присутствия в нём.

Вместе с тем Булгаков отвергает учение о чисто психологическом происхождении языка. Считая слово объективным по своей сути, философ показывает, что оно творится не столько человеком, сколько в нём и через него самим бытием. Сущность языка Булгаков видел в том, что он является языком самих вещей в их «самоидентификации». (Подобная позиция Булгакова не может не напомнить о знаменитом высказывании М. Хайдегера «Язык – дом бытия»). В соответствии с такой точкой зрения Булгаков разъяснял ветхозаветный рассказ кн. Бытия о том, как Бог привёл Адаму всех животных, чтобы видеть, как он назовёт их (Быт. II, 19), то есть, «как они сами назовут себя, ибо он как человек, как микрокосм бытийно всех их имел в себе; как носитель божественного Логоса, как образ Божий» [3].

Согласно мысли Булгакова, язык неотделим от мышления, но в той же степени принадлежит мировому бытию, то есть является онтологическим первоэлементом. Этим мыслитель открывает новую сторону языка - его антропокосмическую сущность и способность стать каналом проникновения в недоступный по Канту мир ноуменов.

Актом именованья, выражающимся в связке есть, согласно Булгакову, «разрушается гордиев узел кантианства, преодолевается злоумышление против Божьего мира - попытка сделать ноумен глухим и слепым, а феномен - пустым, мёртвым и призрачным». Таким образом, Булгаков обнаружил путь выхода из трагедии кантовского феноменализма внутри философии слова, посредством «практической гносеологии», то есть, грамматики языка.

Свою лингвистическую концепцию Флоренский развивает в «конкретной метафизике». Суть последней состоит в том, что смыслы в обязательном порядке должны быть воплощёнными, явленными. Ноумен всегда выражен в чувственном. Ноумен и феномен всегда «доставляют точное выражение друг для друга, соединяясь в неразрывное двуединство» [3] - символ. Как и Булгаков, да и многие другие русские философы Серебряного века Флоренский демонстрирует причастность своего творчества к такому культурному явлению конца XIX – нач. XX вв. как символизм.

Флоренский поддерживал Булгакова и в отношении понимания двойственной природы слова. Материальную составляющую слова он называл «индивидуально отвлечённым от прочей природы звуковым процессом», движущимся в пространстве и несущим нематериальную составляющую - свой смысл [11]. При этом Флоренский связывал смысл с магическим воздействием слова.

По мнению выдающегося исследователя философии языка А.Ф. Лосева, наименовать вещь означало, в первую очередь, отличить и выделить её из сплошной, неразделённой, хаотической массы. «Имя - отличие, своеобразие, самостоятельное качество. Имя - лик. Имя – смысл» [7].

В имени, согласно Лосеву, бытие впервые опознано и навеки утверждено. Развивая эту идею, он пришёл к пониманию имени вещи как орудия «общения с вещью, которое *приводит к пониманию* вещи». Имя вещи - это *понимание* её существенного и индивидуально-живого смысла.

Перечисленные русские философы, далеко не исчерпывают список тех, кто внёс вклад в философию языка. Можно отметить такое довольно позднее явление советской культурной жизни (1960 - 1980гг.) как отечественную семиотическую школу, получившую название московско-тартуской, так как в первую очередь объединяла учёных университетов Тарту и Москвы. В неё входили Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, З. Г. Минц, М. Л. Гаспаров и др. Учёные этого направления в первую очередь исходили из рассмотрения различных областей культурной и социальной жизни как семиотических систем или систем знаков. При этом язык, является «первичной моделирующей» системой, поскольку он структурирован и семантически обусловлен, в то время как литературный текст, историческое или художественное произведение и т.д. считается «вторичной моделирующей» знаковой системой.

Итак, лингвистический поворот как явление европейской философии имел место не только на Западе. Он проявил себя и в отечественной философии, равно как и в русской культуре в целом, полнотой и разнообразием многочисленных филологических учений. Во многом он был созвучен соответствующим западным концепциям, но также имел и свои особенности, свою самобытность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрей Белый. Мысль и язык. (Философия языка А.А. Потебни) // Логос. 1910. №2.- 245 с.
2. Архиепископ Никон. Имебожники. Сергиева Лавра. 1914. – 138 с.
3. Булгаков С.Н. Философия имени // Булгаков С.Н. Первообраз и образ. Т.2. СПб. 1999 - 448 с.
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. Сер. «Памятники философской мысли». – М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. - 288 с.
5. Евлампиев И.И. История русской философии. СПб. 2000 – 828 с.
6. Кессиди Ф. От мифа к логосу: Становление греческой философии. СПб., 2003. – 290 с.
7. Лосев А.Ф. Вещь и имя // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М., «Мысль». 1993. – 958 с.
8. Нетребская О.Н. Булгаков о трагедии философии. Диссертация на соискание учёной степени кандидата философских наук. М. 2008. – 163 с.
9. Роднянская И.Б. Схватка С.Н. Булгакова с И. Кантом на страницах «Философии имени» // Булгаков С.Н. Первообраз и образ. Т.2. 1999 -СПб – 448 с.
10. Соловьев В.С. Кризис западной философии (Против позитивистов) // Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т. 2 М., «Мысль», 1990 – 824 с.
11. Флоренский П.А. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Сочинения в 2-х т. Т.2. М., 1990. – 684 с.
12. Хайдеггер М. Путь к языку // Время и бытие. М., 1993 – 447 с.

© Нетребская Ольга Николаевна (netrebskayaon@mai.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет)